

Эйдзи выплюнул свою кровь на растоптанную, осквернённую землю. Его рука цеплялась за радио, по которому он объявлял о поражении своего отряда и о заряде банзай его отряда на берегах Иводзимы. Они не смогли сдержать подавляющий всплеск союзных сил США.

Его жизнь стремительно протекала вдали от него, онемев тело и нечувствуя всех окружающих его огненных разрушений.

Война была окончена. Он проиграл. Честь жить была для него недопустима. Он истекал кровью на пляже, вместе со своими доблестными павшими товарищами. Неся ту маленькую честь, которую он оставил в загробной жизни.

"Хина-чан. Если бы я только мог увидеть тебя в последний раз." Он вдыхал свои последние слова и желания в солёный морской воздух.

Проснувшееся солнце и мигающий выстрел разлетелись над его унылыми глазами, взбудоражив очертания человеческих теней вокруг его лица.

"Хината. Прости, что не смог выполнить наше обещание", - снова прошептал он.

Кто такой Хината? Иностраннный голос, вдыхающий в его ухо свой собственный язык.

Он закрыл глаза, не заботясь об ответе. Его разум и тело погрузились в оцепенение, унеся его от бед и потерь.

□□□

Звук медленно капающей воды заставил Эйдзи вернуться в сознание. Он стонал, когда открывал глаза, чувствуя, как его голова пульсирует, а грудь горит от боли. Что происходило? Разве он не умер? Его не было у ворот Ёми-но-куни?

"Хорошо". Не умер, как я вижу." Густой шламовой голос неуклюже обратился к нему.

Эйдзи хмурился, не хотел двигаться.

"Если тебе интересно, мертв ли ты, то нет." Голос грубо ответил на его надежду. "Извини, приятель, но я не позволю тебе исполнить и сеппуку. Ты будешь жить, нравится тебе это или нет".

ЧТО?! Этот чужеродный голос, едва способный артикулировать Нихонго, осмелился опозорить его, прежде чем он смог пошевелить своим телом!

Эйдзи протолкнул свою боль, чтобы сесть.

"Эй! Полегче, приятель. Не будь героем!" Иностранец проклял его. "Это не самурайский период."

Эйдзи отряхнул руки, которые пытались удержать его плечи, когда он поднимался в сидячее положение. Вид импровизированного офиса заплыл в поле зрения.

Вместо Рикугун-Чуса, сидящего на офисном стуле и электрошите, он увидел американского солдата. Он щелкнул языком, когда увидел этого иностранца, уютно устроившись ногами на столе, на котором когда-то проводились важные боевые операции.

Внезапно в его голове промелькнула странная мысль о том, как жестока и иронична была жизнь, чтобы посадить его в такое положение. Он не смог сдержать свой смех, который закончился неприятным бульканье, наполненное кровью.

"Чувак, ты из Ямато Миндзоку любишь страдать". Иностранец заявил, что на самом деле...

Он и нервничал, и злился на Эйдзи за то, что этот человек выставлял напоказ знания о собственной стране.

"Воевать и умирать с честью за свою страну - это не страдание". Эйдзи заставил его голос сказать.

"Понятно. Тогда ты можешь сражаться и умереть за любовь? Разве это не достаточно благородное дело?" Человек ответил риторическим вопросом. Его голос был трезвым и смертельно серьезным, ясно выражаясь по-японски.

Эйдзи нахмурился. Кто был этот человек? Он провел несколько минут в тишине, делая наблюдение. Американская рубашка хаки и брюки не скрывали мышечного тонуса вокруг его рук и коренастых ног. Жесткий хлопок был сильно запятнан грязью и кровью, его ботинки были испачканы высушенным песком и грязью, вдавленной в зубы подошвы. По крайней мере, он не был мальчиком Нэнси. Он хмурился, когда его рубашка была свободна от знаков отличия.

Он смотрел на спокойное лицо мужчины с глубокими линиями смеха в его зеленые глаза и углы его губ. Его весело-красновато-бледная кожа все еще оставалась эластичной, несмотря на то, что в течение нескольких дней он держался под суровым солнцем. Светлая щетина покрыла его квадратный расщепленный подбородок, а волосы были подстрижены низко до волосистой части головы в обычном армейском стиле. Он пришел к выводу, что лицо мужчины - это тот тип, в который влюбляются иностранные женщины, а возможно, и его собственный тип. Совсем не его тип.

"Проверяешь меня? Ты гомосексуалист?" Мужчина проверил на реакцию Эйдзи.

Эйдзи ненавидел себя за то, что начал чувствовать себя непринуждённо рядом с этим незнакомцем. Он решил, что это потому, что мужчина бегло говорит на его языке.

Держите себя в руках, Эйдзи. Этот человек опасен. Он подтвердил это в своей голове.

"Наблюдение". Эйдзи ответил по-английски и сдержал свою хихиканье при мимолетном изменении его выражения.

"О, чтобы я мог говорить на своем родном языке. Ну, давай сделаем это, раз уж мы выигрываем этот камень и битву." Человек грубо втирал соль в раненую гордость Эйдзи.

"Чего ты хочешь?" Эйдзи трезво потребовал, чтобы он не чувствовал слишком много боли в груди от бешеного сердца.

"Чего я хочу? Ну, я солдат войны, как и ты. Не то, чтобы я могу сам себя называть, но я могу предложить тебе что-то вроде цели".

Эйдзи ответил, плюнув кровью на ботинки человека, предвидев, куда направляется этот разговор. Он приготовился к удару в живот и в лицо, который, скорее всего, последует за ним.

"ЭТО ТО, ЧТО ТЕБЕ НУЖНО НАЕДИНЕ?!" Мужчина закричал, схватив Эйдзи за воротник.

Его разглагольствования закончились усталым вздохом. Он отпустил Эйдзи и вернулся к себе на место у электростанции.

Хмурый взгляд Эйдзи углубился, смущаясь его уязвимым выражением лица. Это было неправильно. Его страна падала на таких людей?

"Если вы думаете, почему ваша страна теряет Иводзиму. Япония стоит одна".

Человек ответил на мысль Эйдзи. "Честно говоря, иначе мы не смогли бы ступить на этот богом забытый камень."

"Зачем ты мне что-то рассказываешь?" Эйдзи задыхался, совсем не понимая намерений этого человека.

Он понял, что оказался в гораздо худшей ситуации. Этот человек был определенно опасен.

"Я вижу по твоему стоическому выражению, я не смогу достучаться до тебя с намеками."

Человек схватил стул и предложил его Эйдзи.

Эйдзи покачал головой и медленно встал на ноги, так что он смотрел в глаза иностранцу. "Никогда".

Он проклял, когда мужчина закрепил руки за спиной и вытолкнул его из одинокого стоящего кабинета с видом на бункер Нанпо, а также пещеры и туннели, окружающие военно-морские военно-воздушные поля. Его сердце разбилось от человеческой пародии.

Мрачный рассвет разразился над мусорными трупами, воняющими воздухом с грязным запахом железа и тошнотворным сладким запахом крови; разбитая артиллерия курила, колючая проволока разбила заграждения и покалечила тысячи свай трупов, разбитые мешки с песком и поврежденный пляж, замусоренный кусками металла и горячей шрапнелью. Честь японца покинула его, когда он осознал зверства войны глубже, чем когда-либо прежде.

"Посмотрите на бункеры". Человеческий голос был трезвым, несдержанным.

Эйдзи заставил его плакать и задыхался от свежих облаков дыма и спорадических вспышек вокруг туннелей и пещер. В его ушах раздались звуки стремительной стрельбы и криков, наполненных отчаянной бравадой. Он видел, как вооруженные силы США, как муравьи с часовой стрельбой, наступают на полный захват острова. Его люди были захвачены.

"Скоро мы выдворим вашего генерала и остальных его людей." Человек продолжал говорить трезвым голосом. "Это вы объявили о своем поражении на пляже до того, как заряд банзая был?"

Человек заглянул в удивленные глаза Эйдзи. "Я сражался рядом с тобой, когда услышал, как ты объявил о захвате горы Сурибачи, и бой проигран."

"Это мог быть кто угодно." Эйдзи хладнокровно защищал свою честь.

"Нет. Только честный и сильный человек мог распознать поражение", - ответил он.

Эйдзи нахмурился. Он хвалил его? Этот человек был странным.

"В награду за твою доблесть, я дам тебе своё имя".

"Я не дам тебе своё." Эйдзи ответил в ответ и вздрогнул от смеха в животе этого человека.

"Я был прав", - сказал он, когда успокоился. "Я Тайн Мэтерсон".

"Лейтенант Мэтерсон! Почему этот военнопленный вышел из заключения?!" Курчавый американский голос закричал на них.

Эйдзи задавался вопросом, действительно ли это их обычная громкость. Его глаза сузились от упоминания о том, что Тайн - лейтенант, хотя он не был удивлен тем фактом, что только человек в звании может иметь организацию над объектами, в которых будет находиться одинокий пехотинец.

"Ааа Уолш. Ну, этому котенку нужно было подышать воздухом." Тайн пошутил.

Эйдзи внимательно наблюдал за девственной формой и полосами старого сержанта, чье затвердевшее лицо было с множеством старых морщин и хмурых линий. Он чуть не посмеялся над пузою мужчины, похоже, что он все еще мог наслаждаться едой и хорошим напитком.

"Никаких забавных дел, Тайн. Этот пехотинец должен пойти с другим военнопленным." Уолш сурово рекомендовал.

Тайн отказался от своего беззаботного выражения и занялся одним из серьезных дел. "Сержант, напоминаю вам, что я - лейтенант, отвечающий за эту секцию. Этот военнопленный полезен мне. Он остается."

Глаза Эйдзи расширились при глотании из горла сержанта. Старший вдруг показал свой возраст и уязвимость.

Эти люди непостоянны. Эйдзи подумал.

"А как же бункеры?" Уолш попросил сменить тему.

"Продолжайте нападать. Используйте флэш-бомбы, чтобы выкурить их, если понадобится."

Тайн посмотрел на Эйдзи, как он это сказал. "Мы получим полный контроль над этим островом. Они все скоро сдадутся".

Эйдзи успокоил свой разум и эмоции вздохом, держа себя в тишине. Бессмысленно чувствовать себя на взводе или продолжать борьбу за честь, когда все вокруг его было неудачей и разрушением. Его мысли устремились к любящему образу нежной улыбки Хинаты. Может быть, Тайн имел смысл бороться за любовь. Он мог бы продолжать жить с этой целью.

"Ну, хотя бы поводок наденьте на эту дикую кошку". Уолш вышвырнул и оставил их заниматься какими-то другими военными делами.

"Это может быть неплохой идеей." Тайн нахально улыбнулся Эйдзи.

Эйдзи вздохнул. "Ничего не поделаешь. Делай, что хочешь, мистер Америка."

Тайн выпустил ещё один смех в животе. "Ты так говоришь, но я слышу этот вздорный сарказм от твоего голоса. Ты мне нравишься еще больше."

"Вы, американцы." Эйдзи стонал.

Тайн сопроводил его обратно в офис, который теперь служил его тюрьмой. То, что приветствовало их, когда они вошли внутрь, удивило их обоих.

"Ня! Ня!" Кровоточащий котенок с синяком под глазами, замятый на столе.

"Я не помню, чтобы видел кошек на этом острове." Тайн осторожно подошел к существу, чтобы не спугнуть его.

"Должно быть, спрятался на одном из ваших кораблей." Эйдзи трезво прокомментировал, держа свои эмоции под контролем.

Он не хотел думать о Тама-тяне в такой момент. Особенно, когда он осознал своё преимущество. Было тяжело, когда милый котенок убирался на столе, ничего не подозревая об опасностях вокруг.

"Если он выйдет из этой комнаты, он больше не проживёт ни одного момента со всеми этими схватками", - невозмутимо прокомментировал Эйдзи.

"Почему ты так уверен? Он продержался так долго." Тайн нежно похлопал кошку по голове, которая мурлыкала довольно-таки его прикосновением.

"Нет жизни, когда остров купается в смерти. Особенно, когда на пляжах еще есть живые мины, похороненные." Эйдзи вздохнул, проклиная изнутри депрессивные слова, которые ускользнули от его рта. Хината был бы разочарован в нем. Он сдерживал прилив боли по бокам, убеждая себя оставаться сильным и не позволять, чтобы он оказался на грани краха.

"Что ж, сделаем исключение. Я решил, что ты будешь моим переводчиком для построения мирных отношений. Я не могу сделать это в одиночку". Тайна прохладно выбросили, все еще похлопывая котенка, который терел тело о его руку. "Я убедю тебя, что мы не все злые монстры."

"Удачи тебе с этим." Эйдзи стоически ответил.

Он напрягся, когда котенок всерьёз подошел к нему. Он хотел похлопать его, но не смог, завязав руки за спиной. Он вздрогнул, когда Тайне наступил позади него и отпустил связки.

"Почему?" Его шок ненадолго промелькнул на его лице, прежде чем он вернулся к своему безвыразительному поведению.

"Я же говорил. Ты мой переводчик, а не мой военнопленный. Уверен, этот котенок тоже хотел бы тебя похлопать." Тайн сказал, на самом деле.

Эйдзи некоторое время пялился на него, определяя психологию и планы этого человека. Он понял, почему он был лейтенантом; определенно опасным человеком. Поэтому он должен был держать себя в руках. Он осторожно поднял руку к котенку и нежно похлопал его по голове.

Повестки дня, политические неудобства, вторжения и массовые разрушения - все это было не по вине кота и не по его вине. Он ни в коем случае не мог быть злым или злобным для безобидной третьей стороны. Бедняга был не в том месте.

Кошка ценила кошки Эйдзи, натирающие тело перед зевотой и скручивающие себя в шарик на столе, чтобы поспать.

"Тама. Так будет его имя". Тайн выкинул, что выпустило поток воспоминаний в сознание Эйдзи.

Как в тот раз, когда Эйдзи наткнулся на свой рыжий табби под дождем, после возвращения домой из утомительной битвы на Гавайских островах. Если бы не его Тама-тян и Хината, он знал, что сбился бы с пути как человек. Окамисама дал ему еще один шанс?

Его сердце забилося, когда Тайне вытащил выцветшую красную полоску ткани и нежно обвязал ее вокруг шеи Тамы, чтобы сформировать воротник.

"Послушай, я не собираюсь заставлять тебя быть моим переводчиком. Если ты не возьмешься за эту роль, единственный вариант для тебя - это быть заключенным. Кто знает, как долго ты будешь оставаться в лагерях для военнопленных со всеми этими боями. Ты можешь сгнить до смерти. Где честь с этим?" Тайн говорил, что, щедро одаривая спящую кошку нежными шляпками.

"Разве ты не хочешь что-то изменить в этой войне? Забудь о том, чтобы быть японцем или американцем, но ответь мне как мужчине. Сможешь ли ты поддержать те же чувства чести в восстановлении мира?"

"Хорошие слова, но я полагаю, что вы бы вызвали все выстрелы. Если так, то нет никакого партнерства. Я все еще только выполняю приказы." Эйдзи заявил свою статью.

Вокруг них висела тишина, так что единственным звуком в комнате были медленные капли воды из сломанной трубы в углу.

"Три года сидеть на камне. Ничего не меняется за ночь." Тайн прорвался сквозь тишину, говоря по-японски. "Нам нужна вода, чтобы мешать переменам."

"Ты действительно хочешь этих перемен, не так ли?" Эйдзи нахмурился, не желая верить в то, что его сердце начало осознавать.

Как бы то ни было, он не мог надеяться на честь в тюремном лагере. Его уже тошнило от смерти и смерти. Это не приблизило бы его к обещанию с Хинатой. Плюс то, что он был привилегированным военнопленным, все еще могло бы помочь спасти его страну от войны. Он, безусловно, признал свое уникальное положение.

"Хорошо, но не вините меня, если ваши планы по достижению мира во всем мире пойдут на спад". Он неохотно согласился.

Тайн заключил сделку об их партнерстве с искренней улыбкой.

<http://tl.rulate.ru/book/37155/913871>